

Путевка в Калифорнию

Мира Мач

Путевка в Калифорнию

<https://litres.ru/73981198>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга основана на реальной истории одной семьи. Девочка вспоминает своё детство, и читатель видит всё её глазами. Повествование начинается с описания жизни и быта семьи в постперестроечное время на севере острова. Взрослые ждали перемен, и они пришли. Мама девочки, вчерашняя советская учительница английского языка, устроилась переводчиком на место добычи нефти.

А потом она просто исчезла. Последними её видели бывший муж и будущий муж - американец.

«Путевка в Калифорнию» - это не расследование и не детектив. Это история выживания девочки.

Продолжение следует.

Мира Мач

Путевка в Калифорнию

ПОВЕСТЬ «Путевка в Калифорнию»

(основана на реальных событиях)

Глава 1. Последний день детства

Солнце стояло высоко. И пустырь за магазином, поросший новенькой, только пробившейся травой, уже нагрелся так, что земля дышала теплом снизу. Были первые дни июня в поселке на севере острова. Там, где весна приходит с опозданием, а лето – короткое, как детство.

Девочка бежала, не чуя ног. Дорога через пустырь была ей знакома до каждой кочки, до каждой выгоревшей прошлогодней травинки, но сейчас она не смотрела под ноги. Она бежала по узкой протопанной тропинке, и только сердце колотилось где-то у горла, полное такой огромной, почти невыносимой радости, что трудно было дышать. Синие гольфы спустились чуть ниже колена и собирали на себя пыль, которая поднималась из-под босоножек с обрезанной пяткой. Девочке было двенадцать лет. Учебный год кончился неделю назад, а впереди было целое лето. Длинное, бесконечное лето, обещающее всё, что только можно обещать в двенадцать лет.

Мама сделала ей стрижку каре вчера вечером, как делала всегда перед летом. Портновские ножницы с зелёным облез-

лым эмалевым покрытием на кольцах щёлкали над ухом сухо и деловито. Волосы ещё не привыкли лежать ровно и торчали в разные стороны. Застиранная футболка плохо держала форму воротника. Зато юбка-солнце, сшитая мамой из ткани с нарисованными ромашками, струилась при каждом шаге, и всё, что было внизу – коленки, гольфы, пыльные босоножки – терялось в этом ромашковом облаке.

Правая рука девочки взлетала в такт бегу, и в ней, натянувшись тугой сеткой, болталась авоська фиолетового цвета. Та самая авоська, которой можно было покрасить яйца на Пасху и принести картошку с подвала. Сейчас в ней покойно лежала бутылка из толстого зелёноватого стекла, на этикетке которой нарисован крупный, ярко-жёлтый подсолнух в полном цвету. Внутри бутылки мерно перекачивалось растительное масло.

На левой ладони, влажной от волнения, лежала тонкая книжечка-талонница. На обложке, бледно-типографскими буквами, было оттиснуто: «Талонная книжка», и маминым аккуратным учительским почерком, с нажимом было написано: «1994 год, Смирнова Марина Владимировна, ул. Красноармейская, 34-19». Каждая буква выведена старательно, с завитушками на заглавных. На следующих листах были напечатаны ровные таблицы: сверху указан товар, снизу таблица из месяцев года, один за другим в обратном порядке. Эти прямоугольнички с указанием месяца продавщицы вырезают ножницами каждый месяц в обмен на проданный товар.

Один месяц – один талон. Если талон вырезан, значит товар уже продан и купить такой же теперь можно будет только в следующем месяце. Сейчас в этой книжечке талон на растительное масло за июнь был цел. Было и масло в авоське, и талон. Девочка бежала домой и думала только об одном: «Мама будет счастлива!»

Только что, каких-нибудь пять минут назад, девочка стояла в магазине. Это был типовой продуктовый магазин. Здание из силикатного кирпича, некрашеного, серого, с узкими окнами под потолком. Внутри пахло селёдкой, мылом, сыростью и крафтовой бумагой. Пол был бетонно-мозаичный. У дальних стен громоздились пустые поддоны, алюминиевые фляги и металлические проволочные ящики с пустой тарой из-под молочной продукции. Девочка любила этот момент волшебства, когда сдаёшь полную авоську пустых вымытых ёршиком молочных бутылок и получаешь полные. Как будто бесплатно, но на самом деле тара эта стоила каких-то денег и за нее можно было получить молочную продукцию.

Вдоль длинной стены тянулись отделы: бакалея, молочка, хлеб. Каждый отдел был отдельным прилавком, за которым стояла своя продавщица. Касса в магазине была одна. Это была стеклянная будка с маленьким окошком, за которым сидела кассирша в чёрном халате, а перед ней лежали кассовый аппарат и деревянные счета, чтобы не ошибиться в сдаче. Покупатель подходил к кассе только после того, как про-

давщица выписывала ему бумажку, на которой от руки было написано, сколько нужно заплатить. С этой бумажкой шёл он к кассе, отдавал деньги, получал чек, а потом возвращался с чеком к продавщице. И только тогда она отдавала покупку, заворачивая её в плотную крафтовую шершавую бумагу, а чек, водружала на заостренный штырь на подставке.

Девочка стояла в очереди к нужному отделу, где за прилавком высилась продавщица. Волосы её были уложены в пышный, густой начёс, взбитый от макушки до самой чёлки. Тот самый начёс, который требовал времени и терпения. Волосы лежали плотным облаком, и из-под этого облака выглядывали усталые, но цепкие глаза с синими тенями, положенными почти до бровей. Тяжёлые очки в тёмной роговой оправе сползли на самый кончик носа, и женщина смотрела поверх них. Когда очередь дошла до девочки, продавщица спросила:

- Тебе чего?

- Бутылку растительного масла.

Продавщица написала на куске писчей бумаги желтоватого оттенка цифры, немного наклонившись, не глядя достала из недр прилавка стеклянную бутылку масла и перевела взгляд на следующего покупателя. Ритуал был знаком. Девочка молча взяла бумажку, пошла к кассе и вернулась с чеком к прилавку в начало очереди. Продавщица взяла чек, затем – талонную книжку. Отлистала до нужной страницы с растительным маслом. Взяла со стола ножницы, раскрыла их

и навела на прямоугольник «июнь».

В этот момент из подсобки донёсся голос – громкий, раздражённый:

- Таня! Грузчики где? Машина с города пришла!

- А я откуда знаю? – ответила Татьяна, не оборачиваясь.

- Мне машину надо отпустить!

- Ну, он бы еще вечером приехал, - буркнула Татьяна себе под нос, отложила на прилавок книжку и ножницы, повернулась к подсобке всем корпусом и крикнула. – Время посмотри, чай обед у мужиков!

В ответ громко хлопнула металлическая дверь, и наступила тишина.

Татьяна постояла секунду, глянула еще раз на дверь, потом медленно перевела взгляд на девочку.

- Че ждешь?

И не дожидаясь ответа, произнесла:

- Аааа. На! – протянула талонную книжку.

- Следующий! - скомандовала она тем же будничным тоном.

Сердце девочки замерло, потом забилося чаще. Она посмотрела на Татьяну, но та уже отвернулась.

И тогда девочка поняла, что надо уходить. Быстро. Она, стараясь не выдать своего волнения и радости, пошла на выход, выскользнула в дверь, и побежала.

Теперь она бежала по пустырю, всё так же сжимая в ле-

вой руке книжечку. Впереди показалась пятиэтажка из шлакоблока. Пустырь с этой стороны переходил в огороды, отделённые от двора с качелями, песочницей и лавочками, невысокими заборами из деревянного штакетника. Жильцы пятиэтажки разбили здесь небольшие огороды. Картошка, морковь, свёкла, лук, огурцы и помидоры в теплицах – всё это вырастало здесь, на самовольно занятой земле.

Девочка бежала мимо штакетников и вдруг остановилась. Их теплица была закрыта на щеколду. Она забыла утром ее открыть. Девочка посмотрела на балкон их квартиры с опаской, потом подошла к калитке, отодвинула щеколду и шагнула на участок. Теплица скрипнула, когда она потянула на себя дверную раму, и ей в лицо хлынул нагретый воздух. Пахло землёй и помидорной ботвой. Девочка провела рукой по верхушкам кустов, они были чуть влажными, липкими. Она подперла двери теплицы с обеих сторон тяпками и пошла к калитке. Увидев пустую бочку, вздохнула тяжело, вспоминая, что ей еще надо натаскать с колонки ведром воды для полива. Вода нужна сейчас, чтобы она до вечера отстоялась и прогрелась.

Через двор к своему подъезду девочка уже шла размеренным шагом. Потянув на себя дверь в подъезд, услышала привычный звук растянувшейся пружины и снова подумала: «Мама будет счастлива».

Глава 2. Время больших перемен

Девочку звали Миркой. Она появилась в семье вчераш-

них подростков. Завалилась в их жизнь без разрешения, расстроив все планы. Отцу было шестнадцать, матери -девятнадцать. Аборт в посёлке был бы большим позором на всю жизнь. Поэтому подростки расписались и появилась на свет никем нежданная девочка Мира.

Мать Мирки закончила педагогический ВУЗ и устроилась учительницей английского языка. В посёлке она выделялась своими нарядами, которые шила себе сама по ночам, склонившись с ножницами над раскроенным отрезом ткани. Она могла связать свитер с узором за две недели. Спицы мелькали в её руках с такой быстротой, что Мирка не успевала следить за движениями. Мать даже выучилась на инструктора по аэробике и по вечерам проводила занятия в школьном спортзале, и Мирка гордилась ею так, что у неё перехватывало дыхание. Казалось, нет на свете дела, которое было бы маме не под силу.

Хотя было одно. Мама терпеть не могла гладить бельё, и оно копилось в углу комнаты огромной, бесформенной, всё увеличивающейся кучей. Иногда к ним в гости приходила мамина племянница - Алла. Она становилась к столу, стелила на него хлопковый плед и разравнивала простыни одну за другой. Бельё было пересушенным и жёстким, поэтому Алла сбрызгивала его водой перед тем, как прогладить тяжёлым утюгом. Она набирала полные щёки воды и с силой выдувала её через узко сжатые губы. А мать в это время кроила и шила ей целый костюм: юбку и жакет без подклада.

Но отец был всегда ею недоволен. Что бы мать ни сделала - не так, не вовремя, недостаточно хорошо. Мать оправдывалась, злилась, плакала, но ничего не менялось. Мирка жалела мать, и ей казалось, что отец несправедлив, что мать заслуживает лучшего отношения. Однако именно с молчаливого согласия матери отец Мирку бил. Лупил нещадно. Шлангом от полуавтоматической стиральной машинки. Рифлёным, резиновым, негибким. Он оставлял на спине и бёдрах фиолетовые полосы.

Отец бил с усилием, методично, размеренно, как делал всё по хозяйству: строил теплицу в огороде, перемалывал мясо мясорубкой, чинил поломанную технику.

Сначала Мирка кричала. Кричала от страха, от боли, от надежды, что кто-то услышит и спасёт. Её крики разлетались по всей квартире, но никто не приходил. Никогда. Ни разу. И тогда она поняла: кричать бесполезно. Никто её не спасёт. И в следующий раз, когда отец брался за шланг, она сжимала зубы и молчала. Отец бил сильнее. Мирка молчала и только слёзы текли по её щекам.

Однажды в школе одноклассница попросила учительницу не ставить ей четвёрку, потому что мама будет сильно ругаться. Мирка услышала это, подошла к учительскому столу, задрала юбку и сказала: «Подумаешь, ругаться! У меня вообще вон что!» На её бёдрах багровели и желтели свежие и старые следы от шланга. Учительница замерла с открытым ртом. Спросила только, кто из родителей это сделал. И всё.

Мирка не понимала, почему учительница её не пожалела. Она так хотела, чтобы её пожалели. Чтобы кто-то в этом мире сказал: «Тебе больно, я вижу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.